

Анатолий Уманский, Ольга Рэйн, Алексей Искров, Дмитрий Костюкевич, Богдан Гонтарь, Юрий Лантан, Алан Кранк, Лариса Львова, Ксения Кошникова, Иван Белов, Владимир Кузнецов, Александр Магюхин, Кирилл Малеев, Вадим Громов, Дмитрий Тихонов, Оксана Ветловская, Александр Подольский, Максим Кабир

**ЛУЧШИЕ ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ РАССКАЗЫ
В ЖАНРЕ ХОРРОРА ПО ВЕРСИИ
ЧИТАТЕЛЕЙ**

САМАЯ СТРАШНАЯ КНИГА

2018

Москва
Издательство АСТ

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
С17

Серия «Самая страшная книга»
Серийное оформление: *Юлия Межова*
Иллюстрация на обложке: *Алексей Провоторов*

Составитель *Парфенов М. С.*

С17 **Самая страшная книга 2018:** сборник рассказов.—
Москва: Издательство АСТ, 2017.— 573, [1] с.— (Самая
страшная книга).

ISBN 978-5-17-982949-2

«Этопятя», как пишут в Интернете. Это юбилейная пятая ежегодная антология лучших новых рассказов в жанре хоррора, мистики и триллера. Книга, пропустить которую вы не имеете права.

Это девятнадцать — «волшебное» число Стивена Кинга — девятнадцать историй, от которых мурашки бегут по коже.

Это сто — сто процентов ужасов и кошмаров прошлого, настоящего, будущего, среди которых наверняка есть и ваш персональный кошмар.

Это три. И это тысячи. Три слова — Самая Страшная Книга, — которые стали паролем доступа в мир сверхъестественного для тысяч и тысяч читателей.

Мы вновь открываем портал в темное измерение. Рискнете ли вы заглянуть сюда?

© Авторы, текст, 2017

© М. С. Парфенов, составление, 2017

© Алексей Провоторов, иллюстрация на обложке, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

ПРЕДИСЛОВИЕ

Меньше слов, больше ужасов

Меньше букв, больше цифр.

Пять — вот уже пять лет серия «Самая страшная книга» с вами. То, что начиналось как рискованный эксперимент (где это видано, чтобы сами читатели участвовали в составлении, формировании антологии рассказов разных авторов? Только в ССК!), в итоге стало Явлением с большой буквы. Но...

Меньше пафоса, больше сути.

«Самая страшная книга» — это сегодня: пять ежегодных антологий, три тематические антологии, два авторских сборника и роман (первый роман в серии, «Фаталист» — вы еще не читали? Тогда бегом в книжный!). Это два специальных издания («13 ведьм» в мягкой обложке и «ССК: Лучшее» в подарочном оформлении) и несколько книг вне серии, но «от авторов ССК» или с указанием «ССК рекомендует». Это премии «Рукопись года», «Книга года» и другие, признание зарубежных коллег, критиков и (главное) читающей публики. Это общий тираж около 50 тысяч экземпляров — для литературы ужасов, для русскоязычного хоррора достижение уникальное.

Меньше слов, больше ужасов.

У нас впереди — новые книги ССК-серии. Новые романы, новые авторские сборники и, конечно же, новые антологии. А у вас впереди — подборка отличных страшных рассказов, которые никого не оставят равнодушными. И поэтому я не стану более вас отвлекать. Меньше слов — больше ужасов!

Анатолий Уманский

ГРАН-ГИНЬОЛЬ

Теперь это уже не так забавно, как перед войной; дело, по-видимому, в том, что ужасное заняло в этом мире место обыденного, и тем самым его демонстрация на сцене утратила всю свою экстраординарность.

Эрих Юнгер

1919

Бой длился уже часы — казалось, не будет ему конца. Мы лежали в окопах под палящим солнцем, раскалившим в руках винтовки, и бестолково разряжали их в сторону леса. Оттуда резкими, короткими, свистящими плевками приходила ответка, выбивая над нашими головами фонтанчики почвы. Земля попадала за шиворот, липла к истекающей потом зудящей коже, и пытка эта была хуже страха смерти, какую большинство из нас давно утратили: осознание бесполезности этой нескончаемой, как дурной сон, войны лишало всякого желания жить, и мы сражались, как автоматы. Но и автоматы ломаются: у меня на глазах один из товарищей поднялся вдруг из укрытия и с пистолетом в руке зашагал вперед, под пули. Радостно заухал пулемет, и тело бойца разорвалось пополам, забрызгав кровью края окопа. Я отвернулся, чтобы брызги не попали в лицо — всего на мгновение, но тут все и случилось.

Откуда-то издали раздался пронзительный свист снаряда, быстро переросший в истошный вопль. Земля подо мною содрогнулась, будто в агонии. Дальше было как в тумане: я видел разбросанные вокруг вперемешку с землей куски в кровавом тряпье — все, что осталось от кого-то из моих товарищей — и силуэты всадников, с дробным топотом вылетевших из-за стень леса; видел, как еще двое уцелевших выскочили из

окопа и как сверкнула сабля, снеся одному из них половину черепа.

ГИНЬОЛЬ.

Где-то рядом трещали выстрелы и кричали люди, а я, сделав пару шагов вперед, упал лицом вниз и словно в бреду шептал развороченной взрывом земле:

— Гиньоль... Гиньоль...

1909

Мне снова четырнадцать лет, и в опаляющем зное аромат листвы смешан с сухим запахом раскаленной дорожной пыли. Так пахнет свобода — бесконечные дни лета, когда ты предоставлен самому себе и можешь делать все, что вздумается. Рядом что-то лепечет Митинька, но я не слышу его — все мои мысли заняты афишей, что висит передо мной на невысокой афишной тумбе.

НАСТОЯЩИЙ ГРАН-ГИНЬОЛЬ!

ФРАНЦУЗСКИЙ ТЕАТР УЖАСА!

МАДМУАЗЕЛЬ БЕЗЫМЯННАЯ

В ОШЕЛОМЛЯЮЩЕМ ЦИКЛЕ

«ВСЕ ЗЛО МИРА»!

На рисунке — залитая кровью постель, поперек которой распростерлась прекрасная женщина, а над нею склонился горбун с горящими красными глазками и сверкающим клинком в руке. Я не верю своим глазам. Это отвратительно, страшно... и притягательно. В нашем сонном городишке, летом утопающем в зелени, а зимою — в снегу, где вся жизнь протекает в ленивой скуке, подобное кажется громом среди ясного неба.

Под изображением — прозаическая приписка: дети и беременные особы на спектакль не допускаются, а кавалерам рекомендуется прихватить для своих дам нюхательную соль.

В тот момент я не знал, что моей безмятежной жизни книжного червя и мечтателя вскоре придет конец.

Театр очаровывал меня с раннего детства — благо волею судьбы мне довелось в нем работать. Мать моя умерла вскоре после того, как я появился на свет; отец,

морской офицер, пять лет спустя погиб, обороняя Порт-Артур, и меня взял на попечение один из служивших под его началом солдат — Григорий Миронов, давно вышедший в отставку по ранению. Огромный дядька с густыми усами, он как родной брат походил на Поддубного и, случись ему выступать на арене, наверняка заткнул бы за пояс прославленного силача. Недюжинная сила и добродушный нрав сделали его любимцем городской детворы; я любил его, пожалуй, даже больше покойного отца. Сам дядя Гриша души не чаял в своей супруге Марье, в свое время буквально вытаскившей его со дна, когда, после ухода в отставку, он предался горькому пьянству. В ту пору он, говорили, был сущий зверь, а буйствуя, становился настолько опасен, что даже полиция не смела пресечь его пьяные выходки. Тетя Марья не сложила рук и невероятными усилиями сумела спасти супруга. Ради нее он раз навсегда порвал с зеленым змием, и теперь они благополучно растили троих детей — красавицу Мурочку, сорванца Павлю и малыша Митиньку.

Театр, куда дядя Гриша устроился световиком — хотя помимо этого на нем лежали еще обязанности зрителя, — видывал и лучшие дни. Его посещали скорее по традиции, нежели из интереса. Но я, с того самого момента, как был введен в мир ветхих декораций и пыльных кулис, не променял бы его ни на один из роскошных театров Москвы и Петербурга.

— Весь в матушку, — сказал тогда дядя Гриша, глядя, как я с раскрытым ртом обзираю сцену. — Она, стало быть, тоже по театру да по книжкам все... Наш-то брат к такому не особо приучен. А ну ко мне в помощники? Работенка непыльная.

И я стал приобщаться к ремеслу. С техникой, прямо скажем, я ладил не шибко, и не раз дядя Гриша грозился открутить мне голову. Я нисколько не обижался: осветительные приборы изготавливались за границей и стоили едва ли не больше, чем все здание театра.

Как ни странно, по-настоящему театр оживал только в «мертвый сезон», когда пожилой директор Арчибальд Николаевич сдавал его в безраздельное пользование

гастролирующим труппам, а сам уезжал в Ялту поправлять здоровье. Гости нередко привозили с собой нечто необычное, подчас даже довольно скандальное, вызывавшее бурный гнев публики. О давних выступлениях Товарищества Новой Драмы у нас по сей день ходили легенды.

Теперь, глядя на афишу, я не сомневался, что нас ждет нечто похлеще причуд господина Мейерхольда.

— Страшно... — выдохнул Митинька, кривя розовый ротик. Ему недавно сравнялось пять лет. Охочий до разных историй, он еще толком не умел читать и всецело полагался на меня, так что немало времени мы с ним проводили в компании героев Марка Твена, Жюль Верна и Джека Лондона.

— Это Гран-Гиньоль,— сказал я.— Такой театр во Франции.

— Он не во Франции, он здесь! — пискнул Митинька. По натуре он был пуглив. Иногда я, поддаваясь детской тяге к мучительству, разыгрывал перед ним в лицах особенно страшные моменты из книг, а он пучил голубые глазенки и тихо икал от ужаса. Недавно я довел его до слез, отчего до сих пор чувствовал себя злодеем и теперь хотел загладить свою вину.

— Да он даже не настоящий,— сказал я, отводя его подальше от злополучной афиши.— Настоящий в Париже. И вообще там все понарошку.

Пусть этот Гран-Гиньоль и не был настоящим, в город он вторгся стремительно и безжалостно, как наполеоновские войска. На следующий день афиши были расклеены уже повсюду. Они висели на каждом столбе, на каждом заборе, они переходили из рук в руки, и две недели приезжую труппу обсуждали на всех углах. Группа борцов за нравственность устроила даже стихийное собрание, на котором заклеила позором как сам Гиньоль, так и любого, кто его посетит. От этого интерес горожан вспыхнул, пожалуй, с утроенной силой.

Театр ужасов — в нашей глуши! Много читал я о парижском Гиньоле и, хотя понимал, что наверняка здесь лишь жалкое подражание отечественных умельцев, все равно отчаянно желал увидеть хотя бы один спектакль. Оставалось только надеяться, что дядя Гриша не станет выгонять меня из зала, по крайней мере, на первом представлении.

Надежды мои были тщетны. Как-то вечером, незадолго до премьеры, дядя Гриша вдруг завел разговор о своем новом начальстве.

— Мерзость какая, прости господи! — с сердцем сказал он.— Отродясь не встречал эдакого сборища дьяволов. Такие рожи не дай бог во сне увидеть. Разговариваешь с ними, а сам начеку: не сунули б ножа в спину. Сен-Флоран, импресарио их, туда-сюда еще, да и он, в сущности, змей очкастый, из тех, кто покойнику карманы обчистит!

Мы пили чай — дядя Гриша, я, тетя Марья и Мурочка; Павля был с позором изгнан из-за стола за то, что плевался в Митиньку вишневыми косточками, а самого Митиньку тетя Марья передела и уложила спать.

— Григорий! — строго сказала тетя Марья.— При детях... Как такую гадость вообще позволили?

— Известно как,— наморщила носик Мурочка, которая к своим шестнадцати годам успела набраться собственного юности цинизма.— Городскому голове подмаслили, ну и полиции сколько-то. Обычное дело.

— А репертуарчик, скажу я вам! — разорялся дядя Гриша.— Мне, старому вояке, нехорошо стало. Ежели у французов нынче такое в моде, значит, мало мы их в свое время учили манерам...— (Он очень любил помянуть, кого наши армия и флот учили манерам, страшно досадуя при упоминании тех, кому повезло учить манерам нас.)

— Они правда французы? — удивился я.

— Как будто французы,— проворчал он,— но по-русски шпарят не хуже нашего. Оно ясно: когда по свету мотаешься, без языков никуда.

— А что мадмуазель Безымянная? У нее тоже рожа? — со смехом спросила Мурочка.

— У нее-то? Она не выходит из гримерки, я ее и не видел толком. Но, по афише судя, на мордашку она... — Дядя Гриша по-гусарски подкрутил усы, а тетя Марья шутливо погрозила ему пальцем.— И всегда жертву у них играет. И все сюжеты про то, как ее умучивают разные душегубы.

У Мурочки заблестели глаза:

— Я должна это видеть!

— Еще чего! — рыкнул дядя Гриша и так хватил кулаком по столу, что тарелки и блюда со звоном подскочили, а самовар затрясся, будто в испуге.— Тебе тоже нельзя,— повернулся он ко мне.— Помог отладить проектора — и марш домой.

— Ах, папенька, вы ужасно наивны,— протянула Мурочка противным голоском кисейной барышни.

— Но ведь... — начал я.

— Довольно! — отрезал он, и я в расстроенных чувствах удалился из-за стола.

Однако Мурочка была права: дядя Гриша действительно был простодушен. Он совершенно не учел, что сам доверил мне запасной комплект служебных ключей. Также я знал, что в театре держат специальную ложку на случай приезда важных гостей. Проникнув туда тайком, я смогу посмотреть представление с полным комфортом.

Повеселев, я вышел на крыльцо и сразу услышал сдавленный кашель. Метнувшись за угол, я обнаружил Павлю, который сидел на поленнице и смолил самокрутку, набитую похищенным у отца табаком.

С Павлей вечно не было сладу: точно маленький вихрастый ураган носился он по округе, оставляя на своем пути полосу разрушений. Он таскал из курятников яйца, из огородов — репу, из садов — яблоки, он бил окна и вместе с детьми местной босоты купался голышом в городском фонтане, приводя в ужас почтенных дам. Однажды он попытался снять висевшую на стене в передней отцовскую саблю и уронил ее — на его лодыжке до сих пор красовался живописный шрам. За все эти безобразия дядя Гриша, огромный добродушный медведь — как трудно было поверить, что когда-то он мог быть другим! — лишь

ворчал на него да трепал за уши, хотя по-хорошему следовало бы порядочно взгреть.

— Послушай... — сказал Павля, поскорей затушив самокрутку о бревно.— Возьми меня с собой.

— Куда? — спросил я, хотя сам уже догадался.

— На это, как его, гнилье...

— Гиньоль.

— Знаю, ты туда собрался!

Мне совершенно не улыбалось брать с собой несносного Павлю. Но если ему что-то втемяшилось в голову — пиши пропало! Он уже добился права весь день бегать в рванине, как Том Сойер, поскольку любая одежда, надетая на него, быстро превращалась в рубище. Если я откажусь его провести, он, пожалуй, постарается проникнуть сам и ненароком сдаст нас обоих.

— Дядя Гриша нас убьет,— сказал я.

Павля фыркнул:

— Скажешь тоже! Папа добрый.

Я задумался.

— Давай так? На премьеру я пойду сам. Заодно проверю, не поймают ли. А если нет, то в другой раз, так уж и быть, проведу и тебя.

— По рукам! — просиял Павля.

— Только смотри, чтоб ни гу-гу там! Не то нам обоим крышка.

— А я как мышка! — в рифму ответил Павля, соскакивая на траву.

Так я тебе и поверил, мрачно подумал я.

1919

Все по-прежнему плыло, как в тумане. Изнуряющий зной сменился проливным дождем. Я брел по петляющей среди деревьев бесконечной дороге — если эту липкую хлябь можно было назвать дорогой — в сопровождении конных конвоиров с винтовками. Время от времени я спотыкался, падал в чавкающую холодную грязь и тут же слышал щелчки взводимых курков, которые были красноречивее окриков. Раз, поднимаясь, я случайно

бросил взгляд на ближайшее дерево и увидел повешенного: одетый во все черное, он покачивал ногами. Веревка перехватывала кадык, темные волосы и борода слиплись от воды, почерневшее лицо запрокинулось, дразня угрюмые тучи распухшим синим языком. Два ворона, мокрые и злые, пристроились на голове мертвеца и долбили клювами развороченные глазницы, выхватывая лохмотья мяса. На груди висела табличка с криво накорябанным словом «жид».

Тут дуло винтовки ткнуло меня в шею, и я, спотыкаясь, зашагал дальше.

Лес кончился; впереди расстилалось голое поле. На другом краю его маячило в дождевых сумерках двухэтажное здание, безликое, серое — для чего оно в этой глуши? У дверей нас дожидалась толпа — заросший, оборванный сброд, вооруженный винтовками, револьверами, саблями и топорами. Не белые, не красные — просто разбойники, воюющие не пойми за что и против всех; много развелось их в последнее время!

Я поплелся через поле, с трудом выдирая ноги из норившей поглотить их жижи. Тут один из всадников толкнул меня винтовкой в спину и сказал:

— Гли-ко сюды, офицерик: твоя доля!

Я медленно повернул голову.

По правую мою руку зияла яма, заполненная до половины смесью дождевой воды, грязи и изрубленных в куски человеческих тел.

— Гиньоль... — прошептал я.

— Кто?!

Конвоир вдруг рванул коня за узду, подняв его на дыбы, и измазанные грязью копыта взвились над моей головой. Замахав руками, я рухнул прямо в смердящие останки.

Грянул, заглушая шум дождя, издевательский хохот. Снова и снова карабкался я из ямы, и всякий раз меня сталкивали сапогами и прикладами вниз, на слизистую кучу изувеченной плоти. Я падал в зловонное месиво, поднимался и снова лез, а сверху скалились лица, лишь отдаленно похожие на человеческие.

Наконец сильные руки подхватили меня за плечи и выволокли на землю. Рукоять нагана врезалась мне в затылок...

ВСПЫШКА!

В этой ослепительной вспышке я увидел ЕЁ.

1909

Наверное, я никогда не смогу как следует описать ее. Можно передать словами эту странную, пугающую красоту – темный шелк волос; бледное, словно из мрамора выточенное лицо с изящным носом и чувственными губами; и оживляющие эту мертвенную белизну глаза, огромные, бездонные, полные какого-то детского удивления и недетского страдания; сверхъестественная грация в каждом движении... Но никакими словами не выразить чувств, которые вызывала она одним своим видом.

В том, премьерном, спектакле Безымянная носила имя Адель, пьеса же, открывавшая «Все зло мира», называлась «Потерянный рай».

Беспутный муж не вынес гнета долгов и пустил себе пулю в лоб, оставив красавицу-жену на растерзание кредиторам. Подобно воронью налетели они на бедняжку Адель, не скупясь на угрозы и оскорбления, которые она сносила с кротким достоинством.

Финал был ужасен: Адель безжалостно вышвырнули на улицу, где она, блуждая в поисках ночлега и пропитания, вскоре наткнулась на банду оборванцев. Напрасно молила несчастная о пощаде – озлобленные обитатели городского дна набросились на нее всем скопом.

Они избивали ее, таскали за волосы, били ногами в живот, пока она не начала захлебываться кровью. Они разорвали на ней одежду, разложили жертву на мостовой, и в то время, как один, навалившись сверху, содрогался от скотского наслаждения, остальные с гоготом растягивали ее руки и ноги.

На смену первому насильнику пришел второй, за ним третий, четвертый...

Потом в ход пошли дубинки, ножи и камни, и когда бродяги закончили, в страшном кровавом месиве уже нельзя было признать человеческое существо.

Публика сидела в потрясенном молчании. Когда же занавес опустился, глухой ропот прокатился по залу, нарастая, превращаясь в гул, пока кто-то не крикнул визгливо:

— Да ведь ее впрямь убили!

Какая-то дама отчаянно завизжала. Поднялся страшный гвалт. Одни кричали, что нужно звать полицию, другие призывали учинить над трупной расправу своими силами. Молчали лишь те, кто от ужаса и отвращения лишился чувств. Как вдруг занавес вновь поднялся, и Безымянная — слава богу! — живая и здоровая, хоть и в изодранном платье, стояла на сцене, держа за руку щуплого усатого человечка в круглых очках и с тростью под мышкой. Я решил, что это, должно быть, Сен-Флоран. Отвесив короткий поклон, они шагнули назад, и занавес опустился

Загремели аплодисменты. В возгласах зрителей слышались восторг и облегчение.

Так все же трюк, подделка! Казалось, все происходит на самом деле... На долгое время нас погрузили в один из кошмаров, таящихся на темной стороне бытия. Не было ни актеров, ни сцены — лишь живые люди и нелюди, лишь реальность, пронизанная жестокостью и страданием. Не было музыки — только слова, только крики, только стоны боли и плач.

То была сама жизнь и сама смерть, и никакой парижский Гиньоль не смог бы соперничать с ними.

Прежде чем зрители потянулись на выход, я выскользнул из ложи и тщательно запер дверь. Сердце лихорадочно колотилось, по телу пробегал волнами озноб. Я спустился на первый этаж и уже собирался выскользнуть с черного хода, как вдруг на плечо мне легла рука.

— Добрый вечер, *mon fils* ¹!

¹ Мой мальчик (*фр.*).

Я в испуге обернулся. Передо мной стоял Сен-Флоран; в тусклом свете его очки зловеще поблескивали.

— Насколько я помню,— произнес маленький француз,— на наших афишах совершенно ясно указано, что малолетние не допускаются.

Голос у него был вкрадчивый, с присвистом, к тому же он слегка покачивался, опираясь на трость, что усиливало сходство с очковой змеей.

— Извините,— пробормотал я, понуриив голову.

— *Pupille*¹ господина Миронова, если не ошибаюсь?

Я кивнул и пробормотал:

— Пожалуйста, не говорите ему.

— Что ж,— улыбнулся он.— Сказать по правде, мы были бы рады детям. Наше искусство зиждется на чувствах, на тяге к запретному, а есть ли на свете существа пытливей и чувствительнее детей? Увы, *mon ami*,² самая суть нашего театра не допускает их присутствия. Однако правила созданы для того, чтобы их нарушать, *n'est-ce pas*?³

Он протянул мне маленький ключ.

— Отныне эта ложа всегда будет ждать тебя.

Не веря своим ушам, я взял ключ. Сен-Флоран снова улыбнулся и выпроводил меня за дверь.

Удивленный и растерянный, я какое-то время просто стоял в теплых летних сумерках, наблюдая за выходящими из театра людьми. Все говорили наперебой, с жаром обсуждая спектакль. Я перевел взгляд на ключ в руке. У меня возникло желание зашвырнуть его подальше в кусты и постараться забыть обо всем, что я сегодня увидел.

Но забыть Безымянную?..

Я убрал ключ в карман и пошел домой.

Дядю Гришу было не узнать. За завтраком он не шутил, не смеялся, не травил по сотому разу старые армей-

¹ Воспитанник (*фр.*).

² Друг мой (*фр.*).

³ Не так ли? (*Фр.*)

ские байки... Казалось, он поглощен какой-то тягостною думой. Дабы не вызвать подозрений, я с деланным интересом спросил, как прошла премьера, на что он отрезал:

— К черту!

Его настроение передалось и остальным, так что завтрак мы заканчивали в молчании.

В полдень мы с Павлей взяли удочки и пошли на реку. Павля, обычно распутивавший всю рыбу своей болтовней, сегодня был непривычно тих, но рыба, увы, не оценила такой перемены и клевать отказывалась.

Вода с ласковым журчанием струилась вокруг наших босых ног, искрясь в лучах полуденного солнца, и вечерние ужасы казались дурным сном.

Лишь когда мы стали сворачивать удочки, Павля вдруг спросил:

— Скажи... папа такой из-за спектакля?

— Да,— сказал я.— Даже он не выдержал.

— Я больше не хочу это смотреть.

— Я тоже,— сказал я.

И следующие три представления я действительно пропустил.

Сен-Флоран сдержал свое слово. Мало того, на одном из кресел в ложе меня дожидался бинокль.

Все места, исключая «мою» ложу, были заняты, люди сидели даже в проходах. У меня возникло чувство, будто со времени моего предыдущего посещения что-то неуловимо изменилось в публике: слушая возбужденный гул голосов, я не мог отделаться от мыслей об алчущих крови посетителях древнеримского Колизея.

Когда свет в зале погас, я почувствовал, что меня колотит мелкая дрожь.

Хотя сегодняшняя пьеса называлась «Бесенок», речь в ней шла вовсе не о чертях; то было прозвище юной Мари, единственной и обожаемой дочки пожилого вдовца, и оно подходило ей как нельзя лучше. Куда девалась прежняя печальная красавица? Глядя на эту девчонку-